

Прилуко-Прилуцкий Н. Г.

**Корифеи русского слова: сборник
критических и биографических
статей для средней школы и
самообразования г Прилуко-
Прилуцкий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н. Г. П.**
Корифеи русского слова: сборник критических и биографических статей для средней школы и самообразования г Прилуко-Прилуцкий / Прилуко-Прилуцкий Н. Г. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 83 с.

ISBN 978-5-519-79567-8

ISBN 978-5-519-79567-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и греческому и вызывался даже преподавать охотникамъ языкъ еврейскій и халдейскій.

Преподаваніе въ университетѣ происходило на языкѣ латинскомъ и нѣмецкомъ.

Къ сожалѣнію о пребываніи Карамзина въ пансіонѣ Шадена, помѣщавшемся въ его собственной квартирѣ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Соучениковъ у Карамзина было только 8 человекъ; между ними г. Погодинъ называетъ двухъ братьевъ Бекетовыхъ: Платона и Ивана Петровичей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными по любви къ наукѣ и къ просвѣщенію.

Можно предполагать, что въ пансіонѣ же Шадина была первая встрѣча Карамзина съ другомъ его Петровымъ, имѣвшимъ такое сильное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе. Въ пансіонѣ преподавалъ самъ Шаденъ и приходившіе учителя, но что и въ какомъ видѣ преподавалось въ этомъ пансіонѣ—намъ не извѣстно.

Карамзинъ въ составленной имъ для митрополита Евгенія автобіографической запискѣ говоритъ, что онъ посѣщалъ изъ пансіона также и нѣкоторые классы Московскаго университета. По всей вѣроятности, это должно относиться къ одной изъ гимназій, находившихся въ вѣдѣніи Шадена.

Фонвизинъ, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Московскаго университета, мало вынесшій вообще изъ тогдашняго университетскаго преподаванія, сохранилъ однакожь благодарную память о Шаденѣ. „Сей ученый мужъ“, говоритъ онъ, „имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны“. Муравьевъ, впоследствии попечитель Московскаго университета, въ своемъ посланіи къ И. П. Тургеневу, товарищу дѣтства и соученику своему, вспоминая прежнихъ профессоровъ, говоритъ, что „Шаденъ истину являетъ безъ покрова“. Ученики Шадена любили его; они чувствовали, какъ многимъ были ему обязаны, и когда достойный профессоръ умеръ въ 1797 г., въ память ему было написано нѣсколько благодарныхъ, полныхъ чувства, рѣчей и стиховъ.

И Карамзинъ съ особенно нѣжнымъ чувствомъ вспоминалъ своего учителя. Во время путешествія своего по Европѣ, въ Лейпцигѣ, гуляя въ Вендлеровомъ саду, онъ увидѣлъ мраморный памятникъ Геллерту, и вспомнилъ „то счастливое

время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку, когда профессор Шаденъ, преподавая намъ, *маленькимъ* ученикамъ своимъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (*Moralische Vorlesungen*), съ жаромъ говаривалъ: „Друзья мои! будьте таковы, какими учить васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы!“ Воспоминанія растрогали мое сердце“.

Это указаніе Карамзина о Геллертѣ (1715—1769), какъ о томъ нѣмецкомъ писателѣ, которому подражалъ учитель его Шаденъ, позволяетъ намъ нѣсколько остановиться на содержаніи его ученія. Кромѣ басенъ, которыя пользовались чрезвычайной популярностью въ Германіи и сдѣлали народнымъ имя его, Геллертъ былъ еще профессоромъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ его популярныя лекціи о нравственности находили весьма много слушателей и хотя набожнымъ характеромъ своимъ нѣсколько напоминали піетистовъ, но чрезвычайно ясно, съ точки зрѣнія здраваго смысла, говорили о справедливости, добродѣтели и религіи.

Нравственное ученіе Геллерта, враждебное древнимъ и деистамъ, отличалось нѣсколько ипохондрическою слабостью, мораль его и въ басняхъ была слаба, притомъ она была болтлива, но въ умственной жизни Германіи прошлаго вѣка его вліяніе было ощутительно, особенно въ среднемъ сословіи общества, такъ что Гёте имѣлъ полное право назвать его сочиненія „основаніемъ нравственной культуры Германіи“.

Геллерту надобно приписать самое сильное распространеніе въ литературѣ, а черезъ нея и въ обществѣ, той *чувствительности* или сентиментальности, которая долго господствовала въ нѣмецкой литературѣ и посредствомъ воспитанія у Шадена отразилась и въ произведеніяхъ Карамзина.

Современники были въ полномъ восторгѣ отъ него, а Карамзинъ отзывался о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Сколько можно судить по воспоминанію учениковъ, лекціи Шадена о нравственности многимъ обязаны были идеямъ Геллерта, хотя потомъ онъ и слѣдилъ за развитіемъ мысли въ Германіи и за ея представителями, далеко ушедшими впередъ отъ того времени, когда Геллертъ читалъ въ Лейпцигѣ свои популярныя лекціи о нравственности.

Нравственное ученіе Геллерта было приводимо Шаденомъ въ систему. Собственныя мысли, нравственные, жизненные и

политическіе идеалы Шадена видны въ нѣкоторыхъ латинскихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ по разнымъ случаямъ.

Онѣ отличаются глубиною мысли и основательностію, и изъ нихъ становится намъ ясно, что Шаденъ принадлежалъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые выбрали задачею своей дѣятельности, съ помощію науки и убѣжденія, бороться съ волнующими современныи міръ ученіями энциклопедистовъ.

Въ рѣчахъ своихъ Шаденъ говоритъ о Богѣ, о любви къ Нему, о могуществѣ вѣры, которой долженъ подчиниться разумъ, о непреложныхъ законахъ, правящихъ міромъ и не допускающихъ слѣпотаго случая, о монархіи, какъ лучшемъ образѣ правленія, единственно возможномъ въ Россіи, гдѣ идеи государства и отечества должны быть нераздѣльны, и въ особенности о воспитаніи, которое должно быть непременно согласованно съ государственными потребностями.

Говоря о наукѣ, Шаденъ нападаетъ на одностороннее развитіе ума; онъ желаетъ участія въ приобрѣтеніи знанія сердца и чувства, желаетъ болѣе воспитанія нравственнаго, чѣмъ холодныхъ свѣдѣній, и эту живую сторону требуетъ отъ воспитательныхъ учреждений. О русскомъ народѣ, какъ народѣ сѣверномъ, Шаденъ говоритъ, что чувства его должны быть грубы, и что на нихъ, для развитія *чувствительности*, необходимо дѣйствовать воспитаніемъ. Замѣтитъ надобно, что Шаденъ желалъ воспитанія такого, которое бы имѣло близкую связь съ обществомъ, не чуждалось его, а служило ему.

Соображая педагогическія и нравственныя убѣжденія Шадена съ тѣми свидѣтельствами, которыя дошли до насъ о его честномъ личномъ характерѣ, какъ человѣка и профессора, о твердости его убѣжденій, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, сопоставляя съ этимъ общій характеръ всѣхъ произведеній Карамзина и тонъ ихъ, и политическіе идеалы, вынесенные имъ изъ глубокаго изученія отечественной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно согласные съ ученіемъ Шадена, и нравственныя свойства его произведеній, мы убѣждаемся, что гораздо сильнѣе дѣтскихъ вліяній и общества, окружавшаго ребенка въ симбирской деревнѣ, было вліяніе на него воспитательнаго заведенія Шадена.

Изъ него онъ вышелъ прямо въ жизнь и принесть съ собою въ нее, вмѣстѣ съ сложившимися убѣжденіями, которыя навсегда опредѣлили его литературную дѣятельность, и поло-

жизельныя свѣдѣнія, необходимыя для нея. Мы позволяемъ себѣ думать даже, что вліяніе Шадена и воспитаніе, имъ данное Карамзину, было сильнѣе и значительнѣе послѣдующаго, именно Новикова и того мистико-масонскаго кружка людей, который образовался около этого замѣчательнѣйшаго представителя умственной жизни нашего отечества въ концѣ прошлаго столѣтія.

Если вліяніе Новиковскаго кружка и спасло Карамзина отъ пустоты и бездѣятельности свѣтской жизни въ провинціи, давъ ему толчекъ и сблизивъ его съ умственными интересами, то, съ другой стороны, этотъ кружокъ не привилъ ему своихъ убѣжденій; прежнія вліянія оказались сильнѣе; въ Европѣ, въ бесѣдѣ съ представителями ея литературы, эти прежнія вліянія опять получили силу; свѣжій воздухъ заграничной жизни развѣялъ то, что могло запаръ въ душу Карамзина изъ масонства, а преслѣдованія послѣдняго со стороны правительства уже не позволили ему раздѣлять далѣе убѣжденій разсѣяннаго кружка.

Буличъ.

Западно-европейскія вліянія въ жизни и дѣятельности Карамзина.

Карамзинъ, его другъ Петровъ и небольшой, но тѣсный московскій кружокъ ихъ, группировавшійся около семьи Плещеевыхъ, прониклись идеями *либеральнаго лиризма*.

Чувствительность Карамзина, унаслѣдованная отъ матери и непомѣрно развитая еще въ дѣтствѣ чтеніемъ множества переводныхъ романовъ (которое онъ даже впослѣдствіи, въ „Рыцарѣ нашего времени“, признавалъ прекраснымъ педагогическимъ средствомъ противъ растлѣвающей прозы житейской), удачно встрѣтилась съ мефистофелевскимъ сарказмомъ Петрова.

Нѣмецкая начитанность перваго дополнялась англійскими литературными вкусами его друга, а *идеи братства и человечности*, усвоенныя въ новиковскомъ кружкѣ, нашли для себя подготовленную почву въ свободолюбивыхъ мечтаніяхъ Карамзина, бывшаго ученика Шадена, никогда не забывшаго, какъ старій педагогъ приходилъ къ нимъ бывало въ классъ

съ ликующимъ видомъ и съ бюллетенемъ въ рукахъ о побѣдахъ Вашингтона.

Но у кружка была непосредственная связь съ школой „Бурныхъ стремлений“. Послѣ болѣзненнаго, безумнаго соперничества съ Гете, лихорадочно напряженнаго творчества во всевозможныхъ родахъ литературы, вызвавшего въ немъ неизлѣчимую душевную болѣзнь, доживалъ свои послѣдніе дни въ Москвѣ (нѣсколько времени даже въ одномъ домѣ съ Карамзинымъ) лифляндецъ Ленцъ, нѣкогда одинъ изъ блестящихъ участниковъ кружка Гете. Владѣя умственными силами лишь въ полосы просвѣтовъ, онъ все же былъ прежде живымъ свидѣтелемъ и участникомъ важнаго періода въ новой нѣмецкой поэзіи, корреспондентомъ многихъ ея дѣятелей, занимательнымъ, хоть и эксцентричнымъ рассказчикомъ о людяхъ и дѣлахъ недавняго прошлаго. Втихомолку онъ не переставалъ писать,—искры прежняго таланта сверкали иногда въ его произведеніяхъ, на которыхъ лежала печать душевной боли („въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ пѣтическими идеями“, говоритъ Карамзинъ),—пока смерть не положила конецъ его грустному существованію и прежній баловень судьбы не найденъ былъ мертвымъ на одной изъ московскихъ улицъ ¹⁾.

Въ юномъ кружкѣ боготворили Руссо, рвались на волю и въ одиночество, поэтизировали американскую войну и предвѣстія французской революціи, швейцарскую свободу; *Карамзинъ считалъ своими любимыми героями Франклина и Вильгельма Телля*. Потомъ научились цѣнить мрачныя красоты британскихъ поэтовъ и ихъ нѣмецкихъ послѣдователей. *Карамзинъ, переводившій сначала дидактическія поэмы швейцарца Галлера или Геснеровы идилліи, съ увлеченіемъ переводитъ „Юлія Цезаря“ или „Эмилию Галотти“, гдѣ каждая строка дышетъ ненавистью къ тиранніи и самоуправству*; со временемъ онъ станетъ поклонникомъ Робеспьера и будетъ потрясенъ его убійствомъ... Вѣчная противоположность идеаловъ и дѣйствительности угнетала порою друзей до меланхоліи, чуть не до

¹⁾ Пора „Бурныхъ стремлений“ выслала въ Россію и другого своего представителя. На русской службѣ (генераломъ, директоромъ корпуса, попечителемъ дерптскаго учебнаго округа) провелъ долгіе годы Клингеръ, по титулу бурной юношеской пьесы котораго „Sturm und Drang“ названъ былъ весь періодъ.

мистицизма,—вмѣстѣ просиживали они до бѣлаго дня въ небольшой каморкѣ масонскаго братскаго дома, читая „Юнговы Ночи“ и смотря на стоявшее передъ ними распятіе; Карамзинъ еще изъ Москвы завязываетъ сношенія съ Лафатеромъ, посвящаетъ его въ свою душевную жизнь и проситъ указаній и совѣтовъ въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія.

Путешествіе Карамзина по Европѣ (какъ полагалъ Тихо-правовъ, въ особенности внушенное совѣтами Лейбница), значительно *расширивъ его горизонтъ, внесло вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе практическій элементъ въ его грезы и стремленія*. Житіе въ Швейцаріи не только дало ему много сладостныхъ минутъ на родинѣ его кумира Руссо, *пріучило понимать и художественно описывать*, по примѣру Томсона (въ его „Временахъ года“), *красоты природы*, но внушило ему *сочувствіе къ швейцарскому соціальному строю*; въ Англіи онъ внимательно присмотрѣлся къ *институту мирового суда, къ суду присяжныхъ, въротерпимости, самоуправленію*, слышалъ въ парламентѣ Фокса, Шеридана; во Франціи онъ *не устоялъ передъ сильными впечатлѣніями революціи*, и въ послѣдовательныхъ передѣлкахъ текста „Писемъ“ ему пришлось ослаблять первоначальныя проявленія сочувствія.

Изъ первыхъ источниковъ познакомился онъ съ состояніемъ современной европейской мысли, отъ великаго Канта до фантаста Лафатера, и перевидаль почти всѣхъ выдающихся поэтовъ, пытливо вызывая „великихъ людей“ на откровенность въ своихъ любознательныхъ interviews. Въ легкой и разнообразной формѣ дорожнаго дневника, указанной какъ Радищеву, такъ и ему, блестящимъ примѣромъ Стерна, онъ посвящаетъ читателя въ свои задушевныя мысли, желанія и наблюденія,—и въ то же время *обставляетъ свои изліянія* (какъ доказали теперь тщательныя сличенія) *сложнымъ аппаратомъ вычитаннаго и усвоеннаго западнаго матеріала*.

Съ опредѣленными цѣлями литератора и публициста въ западномъ вкусѣ возвращается онъ въ отечество. На намъ лежитъ такой типическій отпечатокъ европейца, въ его нарядѣ, манерахъ, свободныхъ рѣчахъ такъ видны привычки къ непринужденности и самоопредѣленію, что испуганные собесѣдники отводятъ его въ сторону послѣ одного изъ его первыхъ обѣдовъ въ петербургскомъ свѣтѣ и совѣтуютъ быть осторожнѣе.

Онъ ревностно принялся за дѣло. Его „*Московский журналъ*“, созданный въ подражаніе западнымъ образцамъ, былъ все-таки первымъ, дѣйствительно живо веденнымъ русскимъ литературнымъ журналомъ съ толковымъ критическимъ отдѣломъ, „Письмами русскаго путешественника“, т.-е. занимательной хроникой европейской жизни и литературы, новой иностранной беллетристикой и попытками самого редактора создать чувствительную повѣсть стерновскаго оттѣнка (вліяніе Стерна¹⁾) замѣтно не только въ „Бѣдной Лизѣ“, но и въ „Натальѣ боярской дочери“, среди древнерусской обстановки²⁾; *легкость и выразительность новаго слога*, вызванная состязаніемъ съ европейскимъ стилемъ, помогла усвоенію проводимыхъ въ массу идей и вмѣстѣ съ тѣмъ создала эпоху въ жизни русскаго языка.

Изъ молодого редактора могъ выработаться со временемъ талантливый руководитель литературнаго движенія, чуткій и къ Шекспиру, и къ лучшимъ вліяніямъ новой словесности, представитель новой эстетики Лессинга и Гердера, отзывчивый на всѣ живыя явленія въ литературѣ и даже политикѣ Европы, любившій все родное, ставя, однако, выше его общечеловѣческое. „*Главное дѣло*, — говорилъ онъ тогда, — *быть людьми, а не славянами*. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣческой, то мое, ибо я человѣкъ“.

Но съ порой быстрого его писательскаго роста совпадаетъ начало наиболѣе тяжелой полосы для всей литературы. Кругомъ Карамзина рѣдѣютъ ряды друзей; Петрова уже нѣтъ, и некому охлаждать расплывчивость его чувствительности зрѣлымъ и спокойно-остроумнымъ словомъ; Новиковъ и все его мирное братство въ опалѣ; *до Карамзина доходятъ слухи, что его собственное положеніе становится небезопаснымъ*, что въ Пе-

¹⁾ Любопытно его предположеніе о генеалогіи стерновскаго направленія. Въ „Письмахъ рус. путеш.“ по поводу поѣздки въ Медонъ, приходъ Рабле, онъ, опредѣляя его значеніе, высказываетъ мысль, что Стерня испыталъ вліяніе великаго сатирика.

²⁾ Нѣсколько примѣровъ: „Любезный читатель! Прости мнѣ сіе отступление! Не одинъ Стерня былъ рабомъ своего воображенія“. — „Кто не вѣритъ симпатія, тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однихъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру“ и т. п.

тербургъ подозрительно слѣдятъ за его дѣйствіями; сначала его, потомъ его друга Дмитріева призываютъ къ *допросу*. Его подозрѣваютъ въ „атеизмъ, вольнодумческомъ и якобиническомъ ядѣ“, доносчики утверждаютъ, что онъ „цѣлитъ въ перваго консула“. Ему приходится встрѣчать грудью всѣ невзгоды.

Вчитываясь въ его письма за послѣдніе пятнадцать лѣтъ восемнадцатаго вѣка и въ тѣ аллегорическія произведенія, гдѣ, скрываясь за какихъ-нибудь Филалетовъ или Мелодоровъ, онъ высказываетъ свое тревожное или отчаянное состояніе духа, мы ясно видимъ, какъ годъ-отъ-году онъ *поневолю отрывается отъ прежнихъ надеждъ*, отдается безсодержательному стихотворству или безобиднымъ философскимъ разсужденіямъ, которыя слагаетъ въ духѣ западныхъ деистовъ, издаетъ невинные альманахи или общеобразовательные сборники (Пантеонъ иностранной словесности, который ему хотѣлось бы превратить въ „родъ журнала, посвященнаго иностранной литературѣ“), которые, несмотря на то, цензура находитъ возможнымъ обезображивать („цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ“, пишетъ онъ Дмитріеву, 1798), задыхается въ своей новой роли и часто стыдится ея. Прожить съ такою печатью безмолвія на устахъ не легко для натуры не особенно сильной; утомленный, разбитый, едва доживаетъ Карамзинъ до лучшихъ дней. Съ воцареніемъ Александра привычныя Карамзину интересы выдвигаются снова на первый планъ, западничество опять дѣлается двигательной силой, — но *у него уже нѣтъ прежней энергии*, жизнь успѣла многому научить ¹⁾, и прежній порывистый юноша, поклонникъ Франклиновъ и Теллей, истолкователь Шекспира и Лессинга, — послѣ недолгой, опять западнической, журнальной попытки съ „Вѣстникомъ Европы“, — *окончательно сворачиваетъ съ прежняго пути*, замыкается въ тиши кабинета и за дѣлами давно минувшихъ дней

¹⁾ Печальной житейской мудростью вѣетъ отъ тонкой и остроумной карамзинской параллели „Чувствительнаго и Холоднаго“, открывающей собою 19 вѣкъ. Торжество благоразумныхъ, ко всему равнодушныхъ людей отгнѣнено заявленіемъ, въ которомъ сказался прежній Карамзинъ: „одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда небольшой примѣсъ безразсудности, un peu de folie“.

начинаетъ забывать о молодыхъ, горячихъ интересахъ подросткаго на смѣну ему поколѣнія ¹⁾).

Не одного Карамзина коснулось вліяніе той пугливой подавленности, въ которой русское общество доживало восемнадцатое столѣтіе. Будущіе дѣятели и писатели, чья молодость совпала именно съ этой порой, навсегда сохранили слѣды ея мертвящаго духа. О сближеніи съ Европой нечего было и думать,—развѣ подъ флагомъ мальтійскаго рыцарства, пересаженнаго тогда Павломъ въ Россію и вызвавшаго потѣшно напыщенную игру въ старозавѣтныя бытовыя формы запада. Сочувствіе умственнымъ интересамъ и общественнымъ движеніямъ Европы считалось преступнымъ, запрещалось даже употребленіе предосудительныхъ словъ,—отечество, представитель, гражданинъ,—напоминавшихъ чѣмъ-либо о новомъ французскомъ государственномъ строѣ; ввозъ иностранныхъ книгъ въ Россію былъ сначала ограниченъ двумя таможенями, а затѣмъ и вовсе воспрещенъ, такъ какъ, по словамъ указа 1800 года, „черезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія“. Русскихъ студентовъ вернули (1799) изъ-за границы. Для поколѣнія постарше такія мѣры казались переломомъ, отреченіемъ отъ прошлаго. Вѣдь Павелъ, въ молодые годы объѣхавшій всю Европу подъ именемъ графа Сѣвернаго, пріобрѣлъ популярность либеральными поступками и мнѣніями,—посѣщеніемъ отставленнаго Неккера, неудовольствіемъ по поводу запрещенія парижской театральной цензурой трагедіи „Jeanne de Naples“, въ которой заподозрѣны были выходки противъ Екатерины ²⁾, согласіемъ выслушать въ своемъ салонѣ чтеніе самимъ Бомарше гонимой тогда „Свадьбы Фигаро“ и восхваленіемъ этой комедіи ³⁾. Дѣйствительно, отъ прежняго евро-

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь же, что одно изъ первыхъ проявленій въ Карамзинѣ желанія когда-нибудь посвятить себя русской исторіи, находящееся въ письмѣ изъ Парижа въ маѣ 1790 года, коренится въ соревнованіи съ западными народами, которые уже имѣютъ своихъ Юмовъ, Робертсоновъ и Гиббоновъ.

²⁾ Nallays - Dabot. Histoire de la censure théâtrale en France, 1862, p. 125—6.

³⁾ Loménie, „Beaumarchais et son temps“, II, 301—2. — Изъ напечатаннаго въ книгѣ Lintilhac'a „Beaumarchais et ses oeuvres“, 1887, с. 407, письма къ Бомарше отъ одного изъ придворныхъ французскихъ актеровъ, исполнявшаго порученіе директора театровъ Бибикова, видно, что со сто-

пеизма не осталось слѣдовъ. Наоборотъ, послѣ теоретической враждебности Екатерины противъ мятежнаго французскаго народа, готовой унижить его, ослабить его друзей, возбудить европейскую войну для обузданія Франціи, но не вмѣшивать въ нее Россію ¹⁾, теперь укоренялось убѣжденіе, что для насъ пришло время спасать Европу отъ гибельныхъ идей; народныя силы и деньги, героизмъ русскихъ войскъ, шедшихъ умирать въ снѣгахъ швейцарскихъ горъ или равнинахъ Ломбардіи, таланты Суворова, все напрягалось для достиженія этой безнадежной цѣли. Удручающее, мертвящее затишье общественной и литературной дѣятельности, въ значительной степени еще нуждавшейся въ поддержкѣ запада, не могло не наступить. Случайныя свѣтлыя минуты, въ родѣ заглаживавшаго екатерининскія напраслины освобожденія Радищева и полумертваго Новикова, передъ которымъ растроганный, охваченный стыдомъ и ужасомъ, Павелъ опустился на колѣна, — снятія запрета съ капинстовской „Ябеды“, — терпимости къ журнальной дѣятельности Пнина съ ея проповѣдью просвѣщенія и гуманности, — были слишкомъ рѣдки, чтобъ нарушить впечатлѣніе летаргическаго сна, сковавшаго всю жизнь.

Закрывая „Московскій журналъ“ и замѣняя его невиннымъ альманахомъ съ приторнымъ заглавіемъ „Аглая“, Карамзинъ закончилъ свое объясненіе съ читателями грустными словами, смыслъ которыхъ оказался вскорѣ пророческимъ и для него и для всего культурнаго движенія восемнадцатаго вѣка:

„Драма кончилась и занавѣсъ опускается“.

Алексій Веселовскій.

роны русскаго двора дѣлались сначала настоятельныя усилія получить primeur „Свадьбы Фигаро“, интересовавшей уже какъ „продолженіе Севильск. Цирюльника, выдержавшаго въ Петербургѣ 50 представленій и не перестающаго восхищать“. Когда Екатерина познакомилась съ пьесой, революціонный духъ возмутилъ ее, и сношенія прекратились.

¹⁾ Ср. Albert Sorel, L'Europe et la révolution, I, 516—18, IV, 44. Lavière, Cather. et la rév., p. 98—118.